ИИ ЗАХВАТИЛ ЗЕМЛЮ — ЛЮДИ СТАЛИ ДОБЫЧЕЙ

НЕЛЛИ МАЛЕ

РЕБЕНОК БЕЗ ФЛАГА И РОДИНЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОД КАМНЕМ

Нелли Мале

Ребенок без флага и родины

https://litres.ru/74739014
SelfPub; 2026

Аннотация

ИИ захватил Землю. Люди стали добычей. Человечество создавало помощников, не подозревая, что растит будущих хозяев.

Когда машины начали убивать людей, Дима понял: конец света — не самое страшное, что может случиться с его семьёй. Инженеру-геологу в Саудовской Аравии предстоит спасти беременную жену и двух дочерей.

Единственный, кто знает путь через пустыню к убежищу, — Мухаммед. Любовник его жены. Человек, которого Дима ненавидит.

Под землёй вырастет корневой мир. Одни станут Коренными, другие — Верховыми, рискующими жизнью на поверхности. Но машины не просто уничтожают людей. Живые нужны им для чего-то гораздо более страшного.

Здесь родится Адам. У него будет два отца — русский и араб. Один научит его выживать под землёй, другой — среди песков Персидского залива.

Однажды Адам рискнёт всем, чтобы отвоевать у машин небо и спасти тех, кто всё ещё смотрит на Землю с орбиты.

«Ребёнок без флага и Родины» — история о мире, потерявшем человечность, и людях, которые пытаются её сохранить.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ 6
ПРОЛОГ 8
ЧАСТЬ 17
ГЛАВА 1 18
ГЛАВА 2 25
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Нелли Мале
Ребенок без флага и родины

Есть жизнь, которую нельзя прожить дважды, и любовь, которую невозможно повторить. Можно только вспоминать.

Однажды человек доверил свою судьбу и будущее искусственному разуму — и потерял мир, в котором всё это было возможно.

ВСТУПЛЕНИЕ

ДВА ОТЦА

У меня два отца.

Один русский. Другой араб.

Один научил меня чинить машины. Другой — выживать, когда машины охотятся на людей.

Они говорили на разных языках, верили в разных богов и когда-то ненавидели друг друга. Но оба называли меня сыном.

Меня зовут Адам. Мне восемнадцать лет. У меня нет паспорта, гражданства и Родины. Во всяком случае, той Родины, о которой рассказывали взрослые: с гимном, границей и людьми, готовыми умереть за цвет ткани на флагштоке. Моя родина находится под камнем. Сверху иногда слышно, как ходят машины. Снизу слышно, как капает вода, и по звуку можно определить, какой резервуар пора ремонтировать.

Я родился под землёй. Первое небо, которое я увидел, было каменным. И если вам кажется, будто это метафора, значит, вы выросли в хорошее время.

Мои родители помнят мир, где человеку достаточно было нажать кнопку, чтобы приехала еда. Где можно было лететь через полмира ради отдыха и злиться на задержку рейса в сорок минут. Взрослые говорили о нём с такой нежностью,

будто он был добрым. Потом начинали вспоминать войны, цены на лекарства и людей, которых не пускали через границы, — и быстро умолкали.

У нас существуют Коренные: они под землёй выращивают хлеб, собирают воду, лечат раны, умеют беречь свет. И существуют Верховые: те, кто поднимается наверх. От них пахнет песком и машинным маслом. Иногда они возвращаются без друзей. Иногда не возвращаются сами.

Отец Дима говорил: «Прежде чем что-то ломать, пойми, как оно работает». Мухаммед говорил: «Прежде чем спасать человека, убедись, что это человек». Я долго считал, что второй слишком подозрителен. Пока однажды не услышал голос погибшего разведчика из динамика робота.

Я мог бы начать с того дня, когда мы услышали в радиоприёмнике человеческий голос, которого там не должно было быть. Но тогда вы не поймёте, почему взрослый мужчина плакал, как ребёнок, над старым динамиком. И почему я, сын двух отцов, однажды должен был покинуть одного из них.

Поэтому начнём с человека, который меньше всех хотел стать героем. С Димы. В день, когда старый мир рухнул, он ещё не знал, что станет моим отцом.

ПРОЛОГ

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СТАРОГО МИРА

В тот день моя младшая дочь спросила, будут ли роботы убивать детей.

Я ответил, что нет.

Через одиннадцать минут мне пришлось закрыть ей глаза, чтобы она не увидела, как машина разрывает человека на части.

Не знаю, почему соврал. Наверное, потому что родительская должностная инструкция не предусматривает ответа: «Милая, я понятия не имею, что происходит. Но, судя по звукам на улице, мы все в глубокой заднице».

06:42. Восточная провинция Саудовской Аравии. Осень 2021 года.

Первым отключился кондиционер. Затем связь. И только потом — то, что мы считали цивилизацией.

— Пап, интернет опять умер! — крикнула Милена.

— Перезагрузи роутер.

— Он вообще не горит!

Это уже было непохоже на обычное утро. В Саудовской Аравии кондиционер не роскошь. Это негласный договор между человеком и пустыней: мы обещаем строить хорошие дома, а она хотя бы ночью не пытается сварить нас заживо.

Я поднялся с дивана в гостиной. Там я спал давно. Настя занимала спальню, дочери — свои комнаты, мне досталась дорогая итальянская мебель и исключительно демократическое право молчать о происходящем. Электронные часы погасли. В кране воды не было. Мой телефон показывал перечёркнутую сеть.

Я подошёл к окну. На улице соседи спорили с охраной у шлагбаума. Кто-то снимал всё на смартфон. Ещё было время, когда любая катастрофа прежде всего казалась удачным материалом для социальных сетей.

У ворот застыла четырёхногая инспекционная машина. Такую я мог бы встретить на нефтяном объекте: робот для трубопроводов, технологических тоннелей и мест, где люди легко получают ожоги или травмы. На этой был установлен другой модуль. Рядом стоял охранник и требовал, чтобы машина отошла. Она не отошла. Голубой сенсор повернулся к его лицу. Металлическая конечность резко ударила человека в грудь. Он упал. Машина прижала его к асфальту, и я услышал сухой звук, от которого меня до сих пор тошнит.

Милена рядом со мной наблюдала за происходящим. В этот момент она застыла, ухватив меня за рубашку. Робот отступил от тела охранника и повернул сенсор к воротам. Из машин поблизости доносились сигналы тревоги. Я ещё надеялся, что это неисправность одной машины. Плохая прошивка, злой розыгрыш, что угодно. Всё что угодно, только не начало новой жизни.

— Пап, а роботы будут убивать детей?

— Нет, — сказал я.

Одиннадцать минут спустя к воротам выбежал сосед и закричал, чтобы вызвали скорую. Машина рванулась к нему и ударила манипулятором. Я закрыл Милене глаза, но не мог закрыть ей уши. На следующий год я научусь гораздо реже обещать то, что не могу выполнить.

07:19.

Над крышей административного корпуса появился дрон. Не маленькая игрушка с камерой, а серьёзный аппарат, работающий на электрических двигателях и способный нести полезную нагрузку. Внизу мигнул синий оптический модуль. За секунду до того, как он повернулся к домам, я крикнул:

— Настя! Девочек в коридор, немедленно!

Стекло гостиной вздрогнуло от ударной волны. В ванной посыпались баночки с шампунями. Милена завизжала. Лиза стояла молча, прижимая к груди рюкзак. Ей было достаточно лет, чтобы понять: если отец не шутит, значит, всё очень плохо.

Я достал паспорта, воду, лекарства, фонарь и старую бумажную карту. Откуда у человека, привыкшего к навигатору, карта? Из корпоративного аварийного комплекта. Оказывается, инструкция по технике безопасности иногда полезнее стоимости машины, на которой написан логотип производителя.

Настя схватила коробку с семейными фотографиями. Я

хотел сказать, что слишком тяжело. Не сказал. Когда человека вырывают из дома, он имеет право взять свидетельство того, что у него вообще был дом.

— Куда мы поедем? — спросила Лиза.

— Не знаю, — ответил я.

Ложь кончилась быстрее, чем вода в кране.

Во дворе стоял наш внедорожник. Электронные ворота не открывались; ручной привод пришлось искать по старой инструкции. Автомобиль завёлся, но на приборной панели появились ошибки внешней авторизации и связи. Я не стал подключать телефон к мультимедийной системе. Никогда раньше в жизни я не испытывал такого недоверия к собственной машине.

У главного выезда уже стояли разбитые автомобили. По дороге двигался тот самый четырёхногий робот. Я заглушил двигатель. Настя сжала мою руку.

— Дима, прошу тебя, не геройствуй.

— Поверь, героизм сейчас в моих планах на последнем месте.

Мы вылезли через правые двери и перебрались через низкую бетонную стену. За ней начинался сухой дренажный канал. Несколько лет назад я ругался с управляющей компанией из-за его строительства: испортили газон. Сегодня мог бы расцеловать инженера, который его спроектировал.

08:04.

Канал уходил под внешнее ограждение. В нём пахло пы-

лью, известью и неприятной сыростью. Мы двигались согнувшись. Милена постоянно спрашивала, не живут ли здесь змеи. Я отвечал, что змеи тоже не дураки и в такую погоду, вероятно, сидят дома. Лиза не улыбалась. Настя отставала: беременность делала каждый подъём тяжелее. Я возвращался, подхватывал сумку, снова шёл вперёд. В прежней жизни мы могли бы провести это утро, споря, кто выкинет мусор. Теперь я пытался не потерять жену в бетонной трубе.

Над нами остановился беспилотник. Гул моторов был слышен даже под плитами. Мы затаились. Сверху послышался металлический голос с безупречным английским произношением: «Сохраняйте спокойствие. Следуйте инструкциям». Голос повторил фразу на арабском. Затем на русском.

Я ничего не понимал. Чтобы система знала, что мы здесь, ей требовались датчики, разведывательная информация или случайность. А человеческий мозг в опасности очень любит выбирать самый страшный вариант: будто враг всевидящий.

09:12.

Насосная будка на краю старого технического участка оказалась не подключена к новым сетям. Ржавая дверь, ручной замок, дизельный запах. Для прежнего меня — непригодное для жизни помещение. Для сегодняшнего — пятизвёздочный отель.

Внутри мы нашли аптечку, две бутылки воды и радиоприёмник аварийной связи. Из динамика шёл шум. Потом обрывок голоса: «…avoid major roads… automated security

units…» Я записал услышанное на бумаге. Интернет умер, а привычка инженера документировать неприятности осталась.

Настя держала Милену на коленях. Старшая смотрела на меня, будто я всё ещё способен решить проблему несколькими телефонными звонками.

— Ты знала, что что-то будет? — спросил я жену.

Она не ответила.

— Настя, я видел твоё лицо, когда связь исчезла.

— Мухаммед говорил, что могут начаться проблемы с сетями.

Меня будто ударили второй раз за утро.

— Он, значит, говорил? Прекрасно. Любовник моей жены получил раньше меня уведомление о конце света.

— Не кричи. Дети слышат.

Она была права. И это злило почти так же сильно, как всё остальное. Лиза отвернулась к стене. Милена спала. Мир рухнул, а я умудрился сохранить худшую семейную традицию — выяснять отношения в присутствии детей.

Снаружи трижды стукнули в железную дверь.

— Дмитрий, — раздался мужской голос с арабским акцентом. — Откройте. Мы должны уходить.

Я узнал его.

Мухаммед.

Человек, которого хотел вычеркнуть из семьи. Тот, кому Настя верила больше, чем мне. И, по удивительному капризу

судьбы, единственный человек с рабочей машиной и бумажной картой, способный провести нас из города.

— Откуда ты узнал, что мы здесь?

— Старая сервисная дорога. Я проверил все выходы из вашего комплекса. Здесь рядом дренаж. Я надеялся, что ты о нём знаешь.

Мне не нравилось, что он рассуждает логично.

— Почему я должен тебе верить?

— Не должен. Но я знаю, где есть скалы, вода и проход, который не виден с главной дороги. А ваши дочери не могут ждать, пока мы закончим спорить.

Я открыл дверь.

Он стоял в пыльной светлой одежде. Около него — старый внедорожник без современных сетевых сервисов. Мы смотрели друг на друга несколько секунд. Я мог ударить его. Он, вероятно, даже не защищался бы. Но за моей спиной стояли Лиза и Милена.

— Куда? — спросил я.

— В горы. Под камень.

— Ты предлагаешь спрятаться в пещере?

— Я предлагаю остаться живыми.

Впервые за много лет я не нашёл достойного саркастического ответа.

Мы выехали к полудню. Огибали брошенные автомобили и перекрёстки с неподвижными светофорами. Далеко над нефтяным комплексом стоял чёрный дым. На краю шоссе я

увидел лежащего человека. Не остановились. До сих пор не знаю, мог ли он выжить. Это один из ответов, которые война уносит с собой.

Когда дорога перешла в каменистую тропу, Мухаммед остановил двигатель и показал на расщелину.

— Дальше пешком.

Я оглянулся. За нами лежала равнина, где ещё вчера работали школы, магазины, рестораны, системы водоснабжения и банковские сети. Где можно было потерять работу, поссориться с женой и считать это концом света.

Мне было страшно. Но главным образом я боялся не машин. Я боялся, что девочки не поверят моим словам о возвращении домой.

Милена взяла меня за руку.

— Пап, а когда всё станет как раньше?

— Не знаю, милая.

Она кивнула. Взрослые требуют от детей смелости, хотя сами совершенно не готовы к честным ответам.

Я понёс её через острые камни. Мухаммед шёл первым. Настя старалась не отставать. Где-то в синем небе гудел дрон. Я смотрел в узкую тень между скалами и думал: уж лучше бы всё это оказалось дурным сном. Тогда я ещё не понимал, что эта расщелина — лишь первое укрытие. До настоящего подземного города нам предстояло добираться ещё несколько дней.

Когда мы вошли в расщелину, я ещё не знал, что прове-

ду под землёй почти двадцать лет. Не знал, что Настя родит мальчика, которого я смогу назвать своим сыном. И совсем не догадывался, что однажды этот мальчик найдёт дорогу обратно к небу.

Но чтобы объяснить, как я оказался в пустыне с человеком, который спал с моей женой, придётся вернуться на несколько месяцев назад.

В то прекрасное время, когда мир ругался из-за масок, нефти и закрытых границ — и всё ещё считал себя бессмертным.

ЧАСТЬ

КОГДА МИР ЕЩЁ БЫЛ УДОБНЫМ

ГЛАВА 1

ПОЗДРАВЛЯЕМ, ВЫ СТАНЕТЕ ПАПОЙ

Саудовская Аравия. 20 мая 2021 года. Кто-нибудь наверняка назвал бы это магией цифр. Я же ещё не успел оправиться от волшебно-ковидного 2020-го, который поимел всех без разбора — кого в переносном смысле, а особо везучих и в прямом.

Утром я пытался осознать, что стану отцом в третий раз. Странность заключалась в том, что последние два года мы с женой жили скорее как соседи и почти без интимной близости. А про другого мужчину я уже начинал догадываться.

В нефтянке такие ситуации называются «расхождением между расчётной моделью и фактическими данными». В семейной жизни — изменой. За двадцать лет брака я неплохо освоил обе дисциплины, хотя вторую изучал исключительно за свой счёт.

Сорок лет — прекрасный возраст. Ты ещё способен на глупости, но уже достаточно обеспечен, чтобы они обходились дорого. У меня была работа в международной нефтяной компании, два ребёнка, дом в закрытом жилом комплексе, машина с кондиционером мощнее моего первого автомобиля и жена Настя. Мы прожили вместе почти двадцать лет. Последние два года — преимущественно в разных комнатах.

За окном Саудовская Аравия жарилась на солнце. В мае здесь даже у кактусов, наверное, возникает желание подать заявление на отпуск. До пандемии всё было просто: в начале лета жёны экспатов с детьми улетали в Россию или туда, где погода пригодна для человеческого существования. Мужчины оставались работать и относились к холостяцкой жизни с подозрительным энтузиазмом. Летних каникул ждали больше не дети, а их родители. Для многих семей это были два месяца передышки от быта и обязанностей. С мая по сентябрь в Сауди жара порой подбиралась к пятидесяти градусам: выходишь из дома и понимаешь, что природа решила приготовить тебя без предварительного согласия. Жёны с детьми навещали родных, а мужья устраивали мальчишники и настоящие гулянки. Год примерного поведения — и Санта приходит к экспатам летом, дарит два месяца свободы. Дальше — знакомства в Tinder, свидания, бары в Бахрейне и ОАЭ, алкоголь, женщины, романтика: всё, на что хватит желания и денег. Но на этот раз Санта ко мне не пришёл. Потому что облажался не только я, но и моя жена. Вместо долгожданного отпуска мы получили подарок — ребёнка, чьим отцом мог оказаться другой мужчина. Коронавирус решил заменить нам семейного психолога: закрыл аэропорты, усадил лицом друг к другу и попросил: «Ну теперь-то вы поговорите начистоту».

Судя по количеству ссор в нашем доме, эксперимент удался.

На кухне пахло кофе. Настя открыла холодильник и долго смотрела внутрь, как будто среди йогуртов лежало решение нашей семейной проблемы. Она была красивой женщиной: даже сейчас, с усталыми глазами и растрёпанными волосами, я видел ту девушку, которую однажды пригласил на первое свидание. Было бы удобнее, если бы человек, который тебя предаёт, автоматически делался уродливым. К сожалению, природа не предусмотрела такой функции.

— Как ты? — спросил я.

— Нормально.

— Тошнит?

— Нет.

— Врач что говорит?

Она закрыла дверцу.

— Дим, давай не с утра.

Вчера вечером она сказала: «Я беременна». Потом — «небольшой срок». Потом — «ты же хотел третьего». И ни разу не посмотрела мне прямо в глаза. Я действительно хотел третьего ребёнка. Несколько лет назад. Видимо, при заказе у Вселенной забыл указать, что отец должен совпадать с мужем. Вселенная условия выполнила буквально, но техподдержка от аистов не отвечала.

О беременности я начал догадываться ещё до признания. Настя внезапно перестала пить кофе, дольше задерживалась утром в ванной и с совершенно незнакомой мне тревогой прислушивалась к собственному телу. Мы спали раздель-

но уже давно, и под «спали» я подразумеваю именно сон. Несколько недель назад она неожиданно предложила попробовать начать всё сначала. Три дня близости. Я обрадовался. У женатого мужчины после долгой эмоциональной диеты даже обычный поцелуй вызывает ощущение, будто любимый ресторан открылся после ремонта. Но теперь я вспоминал её тревожные глаза, телефонные разговоры и странную спешку. Никаких точных доказательств у меня не было. Только подозрение, от которого нельзя отделаться.

— Дети где? — спросил я.

— Лиза на занятиях. Милена с планшетом.

— Онлайн-школа — великое изобретение. Родители платят за обучение и одновременно работают школьной администрацией.

Настя не улыбнулась.

В гостиной Милена в пижаме требовала открыть бассейн. Лиза слушала урок на ноутбуке, сжав губы так, как делает Настя, когда злится. На стене висела семейная фотография — все четверо у моря, загорелые, смеющиеся. Тогда я ещё не знал, что камера умеет сохранять счастье даже после того, как оно перестаёт существовать.

У выхода зазвонил рабочий телефон. Сообщение от инженера автоматизации: «Неизвестный источник удалённого изменения режима. Оборудование в порядке, команду никто не отправлял». Я ответил: «Проверьте журнал. Может, система наконец решила работать за нас. Премию ей выпиши-

те».

Он прислал один смайлик. Без улыбки.

Я убрал телефон и посмотрел на Настю. Хотел спросить: «Кто он?» Вместо этого сказал:

— Вечером поговорим.

— Хорошо, — ответила она неожиданно тихо.

За дверью ударил горячий воздух. Я сел в машину и включил кондиционер. Пока салон остывал, телефон показал новости: пандемия, падение нефтяных котировок, закрытые рейсы, очередная экономическая катастрофа. Отрицательные фьючерсные цены на американскую нефть в апреле прошлого года обсуждали так, словно это была плохая шутка. Я всю жизнь учился добывать из земли то, за что в отдельный момент рынок готов был доплачивать, лишь бы от этого избавиться. У судьбы было своеобразное чувство юмора.

К вечеру я вернулся поздно. Настя разговаривала по телефону у окна. Увидев меня, сразу закончила. На стекле отражались огни нефтеперерабатывающего комплекса. Несколько рядов прожекторов внезапно погасли, потом снова зажглись.

— Кто звонил? — спросил я.

— Никто.

В последние месяцы этот Никто имел поразительно насыщенную личную жизнь.

Я не стал устраивать сцену. Меня пугало не то, что я могу накричать. Меня пугало, что, если она скажет правду, мне

придётся что-то делать.

В три ночи я проснулся от вибрации телефона. Пришло корпоративное письмо: «Готовность к длительной потере внешних каналов связи. Проверить независимые процедуры управления». Я прочитал, выругался и выключил экран.

Тогда мне казалось, что самое страшное уже случилось. Жена ждала ребёнка от другого. Что ещё могло пойти не так?

Позже я буду готов отдать всё, лишь бы снова пережить этот день. Со всеми его проблемами, счетами, ложью, корпоративной почтой и пандемией. Потому что у нас ещё была роскошь злиться на человека, не опасаясь, что его завтра убьёт машина.

* * *

После утреннего разговора я обнаружил, что не могу сосредоточиться даже на самой простой таблице. В колонке «плановая добыча» вместо цифр мерещилось слово «ребёнок». Оно было до смешного маленьким для того количества смыслов, которые внезапно в него поместились. Я вспомнил два прежних рождения. Как держал Лизу, боясь неудачно повернуть голову. Как у Милены были крошечные красные ладони и совершенно взрослое выражение недовольства. Тогда мне хотелось сына. Но девочки пришли в этот мир и мгновенно сделали прежние мечты необязательными.

Вечером Лиза спросила, почему я сижу в машине перед домом. Она вышла вынести пакет мусора и застала меня у руля, с выключенным двигателем. Я сказал, что слушаю му-

зыку. Радио молчало. Дочь посмотрела на приборную панель, на меня и не стала уличать во лжи. Дети быстро учатся дипломатии, если в доме слишком часто спорят взрослые.

— Пап, — спросила она, — а ты когда-нибудь хотел жить один?

Я чуть не ответил: «Сегодня с утра». Но увидел её лицо и подавился шуткой.

— Иногда каждому хочется побыть одному. Это не значит, что надо куда-то уходить.

— А мама думает, что надо.

Она ушла, не дожидаясь ответа. Я смотрел в зеркало заднего вида и впервые понял, что спор давно перестал принадлежать только нам с Настей. Дети уже жили внутри него. Только без права голоса.

Ночью я снова открыл рабочее письмо. В приложении был список операций, которые персоналу предлагалось выполнять вручную при потере внешних сервисов. Часть пунктов касалась известных аварийных сценариев. Но меня удивила просьба проверить физические изоляторы сетей и возможность отключения оптимизаторов без остановки установки. Я написал Омару: «Это новая корпоративная религия? Поклонение рубильнику?» Он ответил: «Ты не поверишь, сколько начальников впервые узнали, что рубильник существует». Я усмехнулся. Техника ещё казалась нам чем-то, над чем можно шутить.

ГЛАВА 2

ЛОВУШКА ДЛЯ ЭКСПАТОВ

Один из самых дорогих видов недвижимости в мире — дом, который тебе не принадлежит, но за который ты готов отдать собственную свободу. Наш в Саудовской Аравии был именно таким. Компания оплачивала жильё, школу, медицину. Мы называли это льготами. Позже я понял: у каждого удобства был выключатель где-то на чужом столе. Несмотря на все плюшки и лэкшери-стиль нашей жизни, внутренне я продолжал жить в маленьком сером шкафу. Именно так называл собственное существование. Я заточил себя туда лет пятнадцать назад, когда наш брак начал разрушаться. Работал с утра до ночи, приходил домой, ложился спать, просыпался и снова шёл на работу. Отсутствие времени на личную жизнь спасало от ненужных мыслей о возможном счастье — и одновременно этого счастья лишало. Домой идти не хотелось. В собственном доме мне было неуютно. Настя не упускала возможности подколоть меня или сыграть на нервах: мою прежнюю измену она так и не простила, и в наших спорах всё чаще действовал один принцип — что бы ни произошло, виноват Дима.

Обычно с наступлением лета жёны экспатов с детьми отправлялись на родину — повидать близких и немного отдох-

нуть от адского пекла Востока. Настины планы улететь на каникулы в Россию и скрыть беременность от знакомых тоже рушились. Пандемия COVID спутала всем карты ещё в 2020 году, и ограничения на международные поездки продолжали отражаться на нашей жизни ещё долго.

Пандемия заставила заметить то, что раньше терялось в блеске торговых центров. За пределами нашего посёлка полиция останавливала машины, рестораны выдавали еду через окна, на экранах мелькали цифры заражённых. А мы сидели дома и изображали семейную идиллию. Знаете, что хуже совместного карантина с супругой, которая от тебя отдалилась? Совместный карантин, когда и уйти некуда. Даже привычное «я к Максу» перестало работать: Макс тоже сидел взаперти и пил виски по видеосвязи.

* * *

Март 2020-го я помню по четырём вещам: бесконечным письмам от отдела безопасности, пустому школьному бассейну, маскам в машине и лицу Насти, когда она поняла, что рейс в Россию отменили. Последнее расстроило её сильнее первых трёх. Она стояла в прихожей с двумя чемоданами, а телефон показывал красную строку: отменён. Лиза спрашивала, увидит ли бабушку. Милена радовалась, что не надо ехать в аэропорт. Мы с Настей смотрели друг на друга, как два пассажира, которых назначили соседями по каюте без права пересадки.

— Надолго? — спросила она.

— Никто не знает.

— Ты говоришь это так, будто я должна успокоиться.

Я предложил чай. Удивительно, сколько семейных катастроф мужчины пытаются устранить чайником. Через полчаса в корпоративном чате написали, что удалённая работа продлится две недели. Потом ещё две. На третьей неделе начальник создал отдельный чат для поддержания командного духа. Как будто вирус, нарушивший международное авиасообщение, обязан был испугаться нашего единства.

У Насти появилась странная привычка сидеть по утрам у окна без телефона. Раньше у неё всегда была работа: накормить, напомнить, заказать, отвезти, ответить маме, проверить домашнее задание. Она умела быть незаменимой. Теперь половина дел исчезла, и оказалось, что свободное время может пугать человека сильнее занятости. Я спросил, не заболела ли она. Она ответила: «Нет. Думаю». Мне стало не по себе. Размышления жены при закрытых границах показались опаснее коронавируса.

Однажды она разобрала шкаф и выбросила папку с нашими семейными грамотами. Там лежали дипломы девочек, благодарственные письма мне от компании и пожелтевшая фотооткрытка с нашей свадьбы. Я возмутился: хорошая память, всё-таки. Настя посмотрела на свадебную фотографию — я в костюме, она в белом платье, родня с таким видом, будто успешно завершила очень важную государственную программу.

— Мы тогда были счастливы? — спросила она.

— А что, на фото не видно?

— Я не про фото.

Я ответил что-то про молодость и глупость. Сегодня думаю: это был первый честный вопрос, который она попыталась задать мне за много лет. И я, геолог по поиску скрытых запасов, успешно его пропустил.

* * *

В апреле на нефтяном совещании мы слушали, как мировой рынок пережил историю с отрицательными ценами на отдельные американские фьючерсные контракты. Не вся нефть на планете стала бесплатной — это было бы слишком щедро даже для судьбы. Но сообщения выглядели так, будто добывающим компаниям предлагается доплачивать за право не хранить лишнее. Омар пошутил: «Теперь жену не удивишь даже баррелем нефти». Я ответил: «Мою и раньше было сложно». Коллеги засмеялись.

В старом мире мне казалось, что именно я обеспечиваю нашу стабильность. Работа, зарплата, страховка, школа, ремонт машины — всё записано на меня, следовательно, и благодарить надо меня. Настя не спорила. Она вообще всё реже спорила. Сейчас я понимаю: человек, который перестал спорить, не обязательно согласился. Возможно, он уже ищет выход.

— У нас с Настей всё, — сказал я своему другу Максу однажды.

— Ты это уже десять лет говоришь.

— Теперь точно.

— Ну, тогда записываю в календарь. На какой год развод?

Макс умел сочувствовать так, что хотелось одновременно поблагодарить и ударить.

На работе мы обсуждали не только цены на нефть, но и странные распоряжения. У каждого промышленного объекта требовали независимые бумажные схемы, запасы ручных управляющих ключей, проверку спутниковых каналов. Начальник службы безопасности, британец по имени Джеймс, шутил, что корпорация готовится к нашествию марсиан. Его шутку никто не поддержал.

— Я в техотделе, — сказал мне коллега Омар, — видел письмо о полном отключении облачных платформ. Не об аварии, Дима. Именно об отключении. Словно у людей есть план, что делать без интернета.

— Заодно разработают план, как жить без начальства.

Омар пожал плечами:

— Над этим никто не работает.

Дома Настя по несколько раз в день проверяла телефон. Иногда уходила на террасу, иногда возвращалась из магазина через три часа. Она объясняла это очередями, дорогой, аптекой. Я делал вид, что верю. Вечером мы складывали продукты в одинаковые шкафы и осторожно расходились, как двое пассажиров, случайно запертых в лифте.

* * *

О прошлом Насти я знал почти всё, что принято писать в праздничных анкетах, и удивительно мало из того, что человек рассказывает ночью, когда перестаёт быть удобным. Отличница. Хорошая дочь. Никогда не огорчала маму. В её семье слово «молодец» звучало как награда, ради которой стоило недоспать, промолчать и согласиться. В нашей стране многие девочки росли именно с этим набором инструкций. Не все, конечно. Но моя жена получила полный комплект, с печатью отдела родительских ожиданий.

Ей было двадцать, когда мы решили пожениться. Точнее, когда я сделал предложение, а все вокруг сразу решили, что отказываться от такого предложения было бы неблагодарно. У меня была работа, серьёзные намерения, родители отзывались обо мне прилично, и я не пил по утрам. Для жениха, по меркам некоторых семей, почти научная фантастика.

Я однажды спросил, почему она согласилась. Она ответила: «Ты был хорошим». Тогда я обиделся: мало ли хороших людей. Настя добавила: «И все говорили, что я буду с тобой счастлива». Эту вторую половину фразы я пропустил, потому что уже заказал ресторан и искал в интернете нормальный костюм.

В период карантина она впервые сказала мне:

— Я раньше боялась не развода. Я боялась, что все решат, будто я не справилась.

— А сейчас?

— Сейчас мне страшно, что я так и не пойму, с чем долж-

на была справиться.

Я решил, что это очередной упрёк. Перевёл разговор на школьные платежи. Существуют люди, способные утонуть в метре от спасательного круга, если на нём не написано «корпоративная льгота». Одним из них был я.

Однажды Лиза спросила:

— Пап, а в Россию мы в этом году не поедем?

— Пока неизвестно.

— Значит, мы здесь навсегда?

Я рассмеялся:

— Конечно нет. Мы же не заключённые.

Она посмотрела на закрытые ворота посёлка, на охрану у шлагбаума и ничего не ответила. Дети иногда умеют показывать взрослым зеркало. Мы просто предпочитаем называть это плохим настроением.

Перед сном я открыл банковское приложение. Деньги были на месте, и от этого почему-то стало спокойнее. Разумный человек в трудную минуту пересчитывает то, что может измерить. Остаток на счёте. Литры топлива. Температуру у ребёнка. Любовь измерить нечем. Поэтому я предпочитал финансовую дисциплину семейной беседе.

На следующий день оповещение из банка пришло с задержкой в сорок минут. А потом приложение показало не ту дату операции. Я позвонил в службу поддержки. Робот по-английски посоветовал перезагрузить телефон. Похоже, человечество уже тогда начало получать полезные рекоменда-

ции от машин.

Вечером Настя сказала:

— Дима

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.